

Заключеніе австро-германскаго союза.

Незадолго до войны, въ промежутокъ 1910—1913 гг., вышла трехтомная біографія графа Юлія Андраши, написанная по порученію венгерской академіи наукъ проф. Эдуардомъ фонъ-Вертгеймеромъ. 1) Книга является сплошнымъ панегирикомъ Андраши. Каждый его поступокъ разсматривается Вертгеймеромъ, какъ проявленіе чуть ли не безпримѣрной въ исторіи государственной мудрости, и это, на-ряду съ крайне утомительнымъ многословіемъ объемистаго труда,—во всѣхъ трехъ томахъ въ общемъ около 1,300 страницъ,—дѣлаетъ работу Вертгеймера не очень удобочитаемой. Но эти недостатки книги искупаются богатствомъ архивнаго матеріала, собраннаго авторомъ. Значительная часть этого матеріала до сихъ поръ не была опубликована, и поэтому, несмотря на всю тенденціозность изложенія, книга Вертгеймера является цѣннымъ вкладомъ въ исторію внѣшней политики Австріи, какъ балканской, такъ и средне-европейской.

Роль графа Андраши въ исторіи Австріи дѣйствительно совершенно исключительная. Трудно указать другого государственнаго дѣятеля имперіи Габсбурговъ, новѣйшаго періода ея исторіи, съ именемъ котораго были бы связаны такія огромныя по своему значенію событія, какъ съ именемъ графа Андраши. На долю венгерскаго графа, приговореннаго въ молодости къ смертной казни за участие въ венгерскомъ возстаніи 1848 - 9 гг., — въ парижскихъ салонахъ, гдѣ бѣжавшій отъ австрійской военной юстиціи молодой Андраши пользовался большимъ успѣхомъ, его поэтому и называли „le beau rendu“ — выпало участіе въ заключеніи такихъ актовъ, какъ соглашеніе 1867 г. между Австріей и Венгріей, заключеніе союзовъ съ Германіей въ 1869 г. и достиженіе согласія берлинскаго конгресса на оккупацию Босніи и Герцеговины. Теперь, когда происходитъ міровая война, въ которой Австрія всецѣло связала свою судьбу съ надеждой на побѣду Германіи, оцѣнка

1) *Eduard von Wertheimer. Graf Julius Andrassy, Sein Leben und seine Zeit.* Stuttgart deutsche Verlags-Anstalt. I. 1910. II—III. 1913.

этихъ актовъ можетъ быть существенно другой, чѣмъ до войны. Теперь ясно, что соглашеніе съ Венгріей и доминирующее положеніе, занятое вслѣдствіе этого мадьярами во внутренней и внѣшней политикѣ Австро-Венгріи, было одной изъ главныхъ причинъ внутренней слабости двуединой монархіи; что оккупация Босніи и Герцеговины, которая неминуемо должна была превратиться въ аннексію этихъ областей Австріей сдѣлала неизбежнымъ столкновеніе съ Сербіей, а черезъ нее также съ Россіей; что союзъ съ Германіей былъ использованъ послѣдней въ интересахъ ея собственной политики въ гораздо большей степени, чѣмъ это соответствовало интересамъ Австріи, и что слова австрійскаго эрцгерцога Альбрехта въ 1873 г., что Германія стремится „использовать Австрію въ качествѣ вассала противъ Россіи“, оказались въ извѣстномъ смыслѣ пророческими.

Все это однако едва ли умаляетъ значеніе личности Андраши. Отъ мадьяра Андраши при внутреннихъ условіяхъ имперіи Габсбурговъ, гдѣ каждая нація заботится прежде всего о собственныхъ интересахъ, а не объ интересахъ имперіи, конечно, нельзя было ожидать, что онъ придастъ австро-венгерскому соглашенію характеръ, выгодный для Австріи, а не для Венгріи, и не его вина, что австрійскіе государственные люди, заключившіе соглашеніе 1867 г., не сумѣли отстоять интересы Цислейтанинъ въ такой мѣрѣ, въ какой это сдѣлали представители господствующаго элемента Транслейтанинъ для Венгріи. Точно такъ же не могутъ быть поставлены въ вину Андраши и тѣ послѣдствія, которыя имѣли для Австро-Венгріи заключеніе союза съ Германіей и оккупация Босніи. Тогда, когда эти факты совершились, они были большими и несомнѣнными успѣхами австрійской политики, и дѣлать Андраши отвѣтственнымъ за роковую для Австріи азартную игру графовъ Берхтольда и Тиссы столь же неправильно, какъ дѣлать Бисмарка отвѣтственнымъ за авантюристскую политику Вильгельма II и Бетманъ-Гольвега.

Въ предѣлахъ бѣглаго очерка, конечно, невозможно изложить содержаніе огромнаго труда Вертгеймера, въ которомъ чрезвычайно детально описаны всѣ сколько-нибудь значительныя событія въ политикѣ Австріи отъ второй половины шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія до выхода Андраши въ отставку, т.-е. до 1879 г. Отношеніе Австро-Венгріи къ франко-прусской войнѣ, историческое свиданіе въ Рейхштадтѣ, подготовительныя стадіи русско-турецкой войны, Берлинскій конгрессъ и т. д.,—все это излагается весьма обстоятельно, часто въ свѣтѣ неизвѣстныхъ доселѣ документовъ. Здѣсь мы можемъ только ограничиться исторіей заключенія австро-германскаго союза. внослѣдствіи, со вступленіемъ Италіи, превратившагося въ тройственный.

Какъ Бисмаркъ, такъ и Андраши пришли къ мысли о необходимости союза между Австріей и Германіей, направленаго противъ Россіи, послѣ

долгихъ исканій и колебаній. Послѣ франко-прусской войны Германія, по выраженію Бисмарка, была „сыта“ и больше всего думала о предотвращеніи возможности реванша. Такой реваншъ могъ ей угрожать съ двухъ сторонъ: Франціи или Австріи. Отсюда у Бисмарка и было естественное стремленіе опираться на Россію, которая оказала Пруссіи такую огромную услугу во время войны съ Франціей. Въ то же время и графъ Андраши, который уже передъ франко-прусской войной былъ противникомъ выступленія Австріи на сторонѣ Франціи противъ Пруссіи, послѣ войны естественнѣе искалъ еще болѣе тѣснаго сближенія съ Германіей. Андраши опасался, что въ случаѣ присоединенія Австріи къ Франціи и пораженія Пруссіи, вліяніе нѣмцевъ въ Австріи снова усилится и Австро-Венгрія снова можетъ вернуться къ системѣ нѣмецкаго централизма. Съ точки зрѣнія интересовъ Венгріи онъ поэтому желалъ усиленія Пруссіи-Германіи и окончательнаго прекращенія роли Австріи въ Германіи. Главнымъ же образомъ Андраши нужна была поддержка Германіи на случай какихъ-нибудь новыхъ осложненій съ Россіей, и именно то обстоятельство, что Германія находилась тогда въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіей, придавало въ глазахъ Андраши сближенію съ Германіей еще большую цѣнность, такъ какъ, при дружбѣ между Германіей и Австріей съ одной стороны и Германіей и Россіей—съ другой, Россія больше будетъ считаться съ Австріей на Балканскомъ полуостровѣ, чѣмъ при явно натянутыхъ отношеніяхъ между нею и имперіей Габсбурговъ. По замыслу Андраши, Австрія въ то же время должна была бы образовать, по его выраженію, какъ бы клинъ между Россіей и Германіей, чтобы помѣшать ихъ слишкомъ тѣсному сближенію. Вслѣдствіе этихъ, по существу различныхъ мотивовъ Бисмаркъ и Андраши охотно вступили съ Россіей въ такъ называемое „соглашеніе трехъ императоровъ“, которое было закрѣплено при свиданіи Александра II, Вильгельма I и Франца-Иосифа I въ 1872 г. въ Берлинѣ.

Помимо мотивовъ внѣшней политики, у союза трехъ императоровъ была еще одна общая задача, которая напоминала время Священнаго Союза,—борьба съ революціей, защита трона и монархическаго принципа противъ „интернаціонала“.

Бисмаркъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ придавалъ перво-степенное значеніе борьбѣ съ революціонными и социалистическими тенденціями основаннаго въ 1864 г. интернаціонала. Уже лѣтомъ 1871 г. онъ велъ переговоры съ Бейстомъ о мѣрахъ противъ этой организаци. О необходимости совмѣстной борьбы самыми крайними средствами противъ интернаціонала говорилъ и князь Горчаковъ австрійскому послу въ Петербургѣ Лангенау въ 1872 г., а Андраши въ свою очередь въ отвѣтъ на донесеніе Лангенау высказалъ полную солидарность съ Горчаковымъ. По словамъ императора Вильгельма I, война съ интернаціо-

наломъ должна была быть послѣдней, которую еще слѣдовало вести въ Европѣ. Вертгеймеръ утверждаетъ, ¹⁾ что если при свиданіи трехъ императоровъ въ Берлинѣ и не было заключено никакихъ письменныхъ договоровъ о борьбѣ съ интернаціоналомъ, то несомнѣнно, что было достигнуто устное соглашеніе, установившее единообразіе принциповъ въ преслѣдованіи этого революціоннаго сообщества въ каждой изъ трехъ имперій.

.Система союза трехъ императоровъ, однако, держалась недолго. Бисмаркъ не могъ простить Россіи того, что она въ 1875 г. помѣшала Германіи снова и уже окончательно разгромить Францію. Полное же охлажденіе наступило между Германіей и Россіей послѣ Берлинскаго конгресса, когда общественное мнѣніе Россіи стало обвинять Германію и ея канцлера въ неискренности и недружелюбіи къ Россіи, вслѣдствіе которыхъ былъ почти совершенно сведенъ на нѣтъ Санъ-Стефанскій договоръ. Этотъ взглядъ раздѣлялся не только обществомъ, но и правящими кругами Россіи. Императоръ Александръ II говорилъ съ укоризной германскому послу въ Петербургѣ Швейницу, что Германія повсюду оказываетъ поддержку Австро-Венгріи, и прибавилъ, что „*cela finira d'une manière très sérieuse*“.

Въ еще болѣе серьезныхъ выраженіяхъ выразилъ Александръ II свое недовольство въ собственноручномъ письмѣ императору Вильгельму I отъ 3/15 августа 1879 года. Напомнивъ объ услугахъ, оказанныхъ Россіей Германіи въ 1870 году, Александръ указывалъ своему дядѣ на роковыя послѣдствія, которыя могутъ имѣть стремленія Бисмарка оказывать услуги Австро-Венгріи за счетъ Россіи, и заканчиваетъ письмо словами: „да убережетъ насъ отъ этого Богъ и да просвѣтитъ Онъ васъ“.

Съ этими проявленіями недовѣрія со стороны Россіи совпало извѣстіе о предстоящемъ выходѣ въ отставку графа Андраши. Бисмаркъ, котораго тогда, по его собственному выраженію, преслѣдовалъ „*sauchemar des coalitions*“, страхъ передъ враждебными Германіи союзами державъ, очень встревожился этимъ извѣстіемъ, такъ какъ по отставкѣ Андраши мѣсто руководителя австро-венгерской политики могло быть занято врагомъ Германіи, и тогда ничто не препятствовало образованію союза Франціи, Россіи и Австро-Венгріи противъ Германіи, котораго Бисмаркъ такъ боялся. Поэтому онъ послалъ 13 августа н. ст. изъ курорта Киссингена, гдѣ онъ тогда находился, Андраши телеграмму, что онъ хочетъ встрѣтиться съ нимъ. Свиданіе ихъ состоялось въ Гаштейнѣ, куда Бисмаркъ переѣхалъ изъ Киссингена.

Еще до встрѣчи обоихъ министровъ Бисмаркъ изложилъ въ письмѣ

¹⁾ Т. II, стр. 75.

къ императору Вильгельму свои соображенія по поводу только что упомянутого письма Александра II. По словамъ Бисмарка, русскій императоръ никоимъ образомъ не долженъ былъ писать въ такомъ тонѣ. Если-бъ императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ въ такомъ же духѣ, это было бы равносильно объявленію войны. Бисмаркъ объясняетъ происхожденіе письма вліяніемъ, которое пріобрѣлъ на императора Александра II тогдашній военный министръ Д. А. Милютинъ, въ которомъ германскій канцлеръ почему-то видѣлъ одного изъ главныхъ представителей антигерманской партіи, добивавшейся войны съ Германіей. Бисмаркъ говоритъ, что ему неизвѣстно, какими мотивами руководствуется Милютинъ, — стремленіемъ ли къ созданію конституціонной Россіи подъ управленіемъ великаго князя Константина Николаевича, къ учрежденію въ ней республики или какимъ-нибудь нигилистическими цѣлями (!), но онъ только знаетъ, что Милютинъ смотритъ на союзъ трехъ императоровъ, какъ на помѣху, и строитъ свои расчеты на мировомъ пожарѣ. Бисмаркъ убѣжденъ, что Россія въ теченіе 50-ти лѣтъ извлекла изъ союза съ Пруссіей гораздо больше выгодъ, чѣмъ послѣдняя. У Россіи, впрочемъ, былъ, по его мнѣнію, прямой расчетъ быть на сторонѣ Германіи во время франко-прусской войны, такъ какъ въ случаѣ побѣды Франціи французскія войска могли бы появиться вмѣстѣ съ австро-венгерскими на границѣ русской Польши. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ послалъ Вильгельму I проектъ отвѣта на письмо Александра II, въ которомъ должны были быть опровергнуты всѣ обвиненія германской дипломатіи въ антирусскихъ тенденціяхъ.

Когда Андраши пріѣхалъ (14/26 августа 1879 г.) въ Гаштейнъ, Бисмаркъ сразу далъ ему понять, что онъ питаетъ недовѣріе къ планамъ Россіи, и спросилъ его „въ качествѣ частнаго лица“, считаетъ ли Андраши полезнымъ заключеніе „мирной лиги“ между обѣими средне-европейскими державами и дастъ ли на это свое согласіе императоръ Францъ-Иосифъ. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, сказалъ канцлеръ, онъ сообщитъ объ этомъ императору Вильгельму. Андраши, который уже давно добивался сближенія съ Германіей въ ущербъ Россіи, на это отвѣтилъ, что заключеніе такого союза на случай нападенія Франціи на Германію было бы трудно осуществимымъ, такъ какъ Германія, во-первыхъ, для борьбы съ одной Франціей не нуждалась бы въ поддержкѣ Австріи, а кромѣ того, отношеніе Австріи къ Англіи затруднило бы выступленіе ея противъ Франціи. Но если-бъ Россія оказала, въ случаѣ новой войны между Франціей и Германіей, активную помощь Франціи, Австро-Венгрія готова была бы обязаться выступить вмѣстѣ съ Англіей или безъ нея противъ Россіи и Франціи. Бисмаркъ на это отвѣтилъ, что у него еще нѣтъ полномочій заключить такой союзъ, что онъ долженъ испросить согласія своего монарха и что онъ намѣренъ

продолжать переговоры съ Андраши, когда онъ ему отдасть взить въ Вѣнѣ.

Бисмаркъ готовъ былъ безъ промедленія заключить союзъ съ Австріей,—до такой степени онъ былъ убѣжденъ въ непосредственной опасности, угрожавшей Германіи со стороны Россіи. Но тутъ ему пришлось столкнуться съ упорнымъ сопротивленіемъ своего монарха. Вильгельмъ I ни за что не хотѣлъ порвать съ Россіей, отчасти по мотивамъ династическимъ и личнымъ, такъ какъ онъ очень любилъ своего племянника Александра II и хотѣлъ до конца жизни прожить съ нимъ въ мирѣ, отчасти же потому, что онъ не довѣрялъ Австріи и все еще опасался попытокъ реванша съ ея стороны. Поэтому, узнавъ о намѣреніи Бисмарка отправиться въ Вѣну къ Андраши, Вильгельмъ ему послалъ телеграмму съ предложеніемъ не ѣхать, такъ какъ поѣздка канцлера могла быть истолкована Россіей, какъ начало разрыва. И только тогда, когда Бисмаркъ въ отвѣтъ на это заявилъ, что подастъ въ отставку, если не получитъ разрѣшенія ѣхать, старый императоръ далъ свое согласіе. Но для того, чтобы подчеркнуть свои дружественныя чувства къ Россіи, Вильгельмъ послалъ генераль-фельдмаршала Мантейфеля въ Варшаву, гдѣ тогда находился Александръ II. Мантейфель сообщилъ государю о неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое произвело его письмо въ Берлинѣ, но Александру II удалось убѣдить его, что онъ не питалъ враждебныхъ плановъ противъ Германіи и что его лишь огорчаетъ пристрастіе Германіи къ Англии и Австро-Венгріи, которое наноситъ ущербъ Россіи. На Мантейфеля аргументы Александра II произвели такое впечатлѣніе, что онъ предложилъ устроить свиданіе обоихъ императоровъ, которое и состоялось на пограничной станціи Александрово 22 августа (3 сентября) 1879 г. Оно произошло совершенно неожиданно для Бисмарка и даже вопреки его желанію, и когда Вильгельмъ, который остался очень доволенъ свиданіемъ, выразилъ желаніе пожаловать орденъ Милютину, Бисмаркъ замѣтилъ, что съ такимъ же основаніемъ можно было пожаловать въ іюль 1870 г. орденъ прусскаго Чернаго Орла герцогу Граммону, министру иностранныхъ дѣлъ Наполеона III.

Послѣ свиданія въ Александровѣ императоръ Вильгельмъ отправился на маневры въ Кеннигсбергъ, и всѣ сношенія между нимъ и Бисмаркомъ, который еще оставался въ Гаштейнѣ, происходили черезъ софѣтника Отто фонъ-Бюлова (его не слѣдуетъ смѣшивать съ Бернгардомъ фонъ-Бюловымъ, впоследствии германскимъ канцлеромъ), представителя вѣдомства иностранныхъ дѣлъ въ квартирѣ императора. Задача, вывавшая на долю Бюлова, была нелегкая, такъ какъ воззрѣнія императора и его канцлера оказались совершенно противоположными. Императоръ пріѣхалъ изъ Александрова съ твердымъ впечатлѣніемъ, что

Россія чужда какихъ бы ни было враждебныхъ намѣреній по адресу Германіи. Милютинъ объяснилъ Вильгельму I, что сосредоточеніе русскихъ войскъ на границѣ, которое вызвало безпокойство въ Германіи, совершается потому, что Россія имѣетъ основаніе опасаться нападенія со стороны замышляемаго противъ нея союза Австро-Венгріи, Франціи и Англии. У Россіи, говорилъ Вильгельмъ Бюлову, поэтому нѣтъ ни малѣйшаго основанія возстановить противъ себя еще и Германію. Слѣдовательно, онъ совершилъ бы подлость (Perfidie), если-бъ заключилъ теперь союзъ съ Австріей противъ Россіи послѣ объясненій, которыя онъ только что получилъ въ Александровѣ.

На противоположной точкѣ зрѣнія стоялъ канцлеръ. Езли, говоритъ онъ въ письмѣ Вильгельму I изъ Ганштейна отъ 7 сентября и. ст., Россія теперь не думаетъ о нападеніи на Германію, то это происходитъ только потому, что Франція еще слишкомъ слаба, а попытка, сдѣланная Россіей, по свѣдѣніямъ германскаго посольства въ Парижѣ, привлечь Италію въ качествѣ возможной союзницы противъ Германіи, ни къ чему не привела. Когда Франція окрѣпнетъ, а Австрію Россіи удастся отвлечь отъ Германіи, Россія заговоритъ другимъ языкомъ. Россія, говоритъ Бисмаркъ, руководимая „славянскою пропагандой“, переняла наслѣдство наполеоновскаго цезаризма и образуетъ вслѣдствіе этого „черныя точки“ на горизонтѣ Европы. Поэтому онъ настаивалъ на томъ, чтобы императоръ далъ ему полномочіе предложить въ принципѣ Андраши слѣдующее соглашеніе: оба государства обязуются содѣйствовать сохраненію мира и культивированію хорошихъ отношеній съ Россіей. Но если одна изъ нихъ подвергнется нападенію со стороны Россіи,—одной или въ союзѣ съ другой державой,—они обязаны общими силами отразить этотъ ударъ. Бисмаркъ настаивалъ на томъ, чтобы союзъ съ Австріей былъ заключенъ какъ можно скорѣе, такъ какъ въ другомъ случаѣ, если пропустить благоприятный моментъ, Германіи можетъ угрожать въ будущемъ образованіе противъ нея союза Россіи, Франціи и Австро-Венгріи. Въ другомъ письмѣ, написанномъ 15 и 16 сентября и. ст., Бисмаркъ доказываетъ Вильгельму, что Германія все равно должна была бы оказать поддержку Австріи въ случаѣ войны ея съ Россіей, такъ какъ Германія должна была бы послѣ побѣды Россіи надъ Австріей остаться на европейскомъ континентѣ между Россіей и Франціей, рядомъ съ ослабленной и покннутой Германією Австро-Венгріей, а это сдѣлало бы существованіе Германіи невозможнымъ. Такимъ образомъ, доказываетъ онъ, Германія, не будучи въ союзѣ съ Австріей, должна была бы въ случаѣ австро-русской войны нести всѣ обязанности союзнаго государства. Надо во что бы то ни стало спѣшить, ибо Россія можетъ предупредить Германію и привлечь Австрію на свою сторону обѣщаніемъ возвратить ей Силезію, господ-

ства въ южной Германіи, съ Майнцемъ и Ульмомъ. Въ этомъ, говорить Бисмаркъ, не было бы ничего безпримѣрнаго.

Вильгельмъ долго не соглашался и требовалъ отъ своего канцлера предъявленія доказательствъ виновныхъ противъ Германіи плановъ Россіи. Когда ему показали донесенія германскаго посла въ Парижѣ Гогенлоэ объ усиліяхъ Россіи сблизиться съ Франціей, Вильгельмъ отвѣтилъ, что онъ придаетъ заявленіямъ своего племянника, Александра II, большее значеніе, чѣмъ этимъ донесеніямъ.

Уступая настояніямъ Бисмарка, Вильгельмъ далъ ему въ концѣ-концовъ полномочія на веденіе переговоровъ съ Андраши, съ тѣмъ, однако, чтобы въ будущемъ договорѣ рѣчь шла не о соглашеніи противъ Россіи, а въ общемъ видѣ противъ державъ, которыя совершаютъ нападеніе на Германію или Австро-Венгрію. Затѣмъ императоръ настоялъ на оговоркѣ, что, въ случаѣ, если одна изъ этихъ двухъ державъ предприметь нападеніе, другая не обязана оказать ей поддержки. Кромѣ того, Вильгельмъ считалъ необходимымъ довести до свѣдѣнія Александра II о переговорахъ, которые ведутся между Германіей и Австріей.

21 сентября н. ст. Бисмаркъ пріѣхалъ въ Вѣну. Переговоры сразу приняли характеръ спора о томъ, можно ли заключить договоръ въ общей формѣ, не указывая державы, противъ которой онъ направленъ, или же въ немъ ясно должно быть оговорено, что Германія и Австрія имѣютъ въ виду именно Россію. Какъ и слѣдовало ожидать, императоръ Францъ-Иосифъ и Андраши, которые думали главнымъ образомъ о Россіи, требовали послѣдняго, такъ какъ въ случаѣ общей формулировки, у остальныхъ государствъ, въ особенности у Англій, могло быть вызвано представленіе, что договоръ направленъ прежде всего противъ Франціи. Андраши рѣшительно опровергали сообщеніе Милютина о готовящемся союзѣ Франціи, Англій и Австріи противъ Россіи и назвалъ это „изъ ряду вонъ выходящей неправдой“ (aussergewöhnliche Unwahrheit). Андраши въ то же время заявили, что не соответствуетъ интересамъ Австріи вступить въ союзъ съ Германіей, направленный только противъ Франціи, по что Австрія готова участвовать въ союзѣ противъ Франціи въ томъ случаѣ, если Франція заключитъ союзъ съ Россіей. Хотя Бисмаркъ и оговорился, что онъ не уполномоченъ заключить союзъ, въ которомъ рѣчь идетъ только объ одной Россіи, какъ о нападающей сторонѣ, онъ въ концѣ-концовъ принялъ редакцію Андраши и одобрилъ составленный имъ проектъ, который вполне совпадаетъ съ извѣстнымъ текстомъ австро-германскаго союзнаго договора, опубликованнаго въ 1888 г. Рукой Андраши въ проектъ была включена статья, гласящая, что Францъ-Иосифъ и Вильгельмъ увѣрены въ томъ, что вооруженія Россіи не являются угрозой Австріи и Германіи и что они поэтому не видятъ

основанія сообщить о договорѣ Александру II. Но если-бъ это ихъ убѣжденіе оказалось несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, они сочтутъ долгомъ лояльности довести, по крайней мѣрѣ, конфиденціально, до свѣдѣнія Александра II, что Германія и Австрія будутъ разсматривать нападеніе на одну изъ нихъ, какъ на актъ враждебности по отношенію къ обѣимъ.

Препровождая проектъ договора императору Вильгельму I, Бисмаркъ одновременно обратился къ нему съ меморандумомъ, въ которомъ доказывалъ преимущества точнаго обозначенія Россіи передъ общей формулировкой, требуемой императоромъ. Наиболѣе вѣроятной для Австро-Венгріи,—пишетъ Бисмаркъ,—ближайшей войной является война съ Италіей, если прредентистское движеніе въ ней одержитъ верхъ. Если въ договорѣ не будетъ указано точно, противъ какого именно государства онъ направленъ, Германія можетъ быть вынужденной воевать въ такомъ случаѣ съ Италіей. Точно такъ же она должна была бы оказать поддержку Австріи въ случаѣ столкновенія между Австріей и Турціей, напримѣръ, изъ-за Новобазарскаго санджака, и по аналогичнымъ случаямъ, которые интересовъ Германіи не задѣваютъ. Всѣхъ этихъ нежелательныхъ для Германіи послѣдствій не будетъ имѣть договоръ, въ которомъ ясно указывается на Россію, какъ на страну, противъ которой составляется союзъ. Бисмаркъ принялъ твердое рѣшеніе подать въ отставку, если Вильгельмъ не согласится одобрить проектъ. Онъ написалъ объ этомъ фонъ-Бюлову и уполномочилъ его сообщить это рѣшеніе императору въ томъ случаѣ, если тотъ категорически отклонитъ проектъ.

Бисмаркъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы заставить императора сдаться. Мольтке, который пользовался громаднымъ авторитетомъ въ глазахъ Вильгельма I, въ испрошенной аудіенціи всецѣло поддерживалъ Бисмарка. Точно такъ же и вице-канцлеръ графъ Штольбергъ и другіе члены министерства рѣшили изъ солидарности съ Бисмаркомъ покинуть свои посты, если канцлеръ уйдетъ. Бисмаркъ нашелъ поддержку и у кронпринца, вполнѣдствіи императора Фридриха II. Однако старшій Вильгельмъ, который находился тогда въ Баденъ-Баденѣ, все еще не сдавался. Если-бъ я согласился на подобный договоръ,—сказалъ онъ Бюлову,—императоръ Александръ могъ бы меня вызвать на дуэль за такой нелояльный образъ дѣйствій. Такіе договоры не остаются тайными, и если русскій царь объ этомъ узнаетъ, онъ до гроба мнѣ этого не проститъ. Почему же не упоминаютъ,—спрашиваетъ Вильгельмъ,—о Франціи, которая занимаетъ по отношенію къ Германіи гораздо болѣе угрожающую позицію. Когда Бюловъ ему сказалъ, что, по мнѣнію Бисмарка, проектъ Андраши „est à prendre ou à laisser“, Вильгельмъ съ горечью замѣтилъ, что вѣдь его взглядъ заслуживаетъ по меньшей мѣрѣ столько же вниманія, сколько мнѣніе Андраши. Онъ еще готовъ былъ

бы согласиться подписать союзный договоръ, если бы въ договоръ была включена и Франція. Но разъ этого нѣтъ, то онъ скорѣе готовъ отречься отъ престола, и пусть тогда Бисмаркъ проведетъ свой проектъ съ кронпринцемъ, который на отношенія къ Россіи смотритъ иначе, чѣмъ онъ, Вильгельмъ.

Единственная уступка, которую Бисмаркъ готовъ былъ сдѣлать, заключалась въ согласіи на требованіе Вильгельма сообщить содержаніе австро-германскихъ переговоровъ императору Александру, чтобы устранить упрекъ въ нелояльномъ образѣ дѣйствій германскаго правительства. Онъ запросилъ объ этомъ Андраши, который отвѣтилъ, что онъ не видитъ ничего недопустимаго въ томъ, чтобы довести до свѣдѣнія Александра II о договорѣ, послѣ того какъ онъ будетъ подписанъ, но не раньше.

Послѣ долгихъ усилій Бисмарку удалось убѣдить императора дать (5 октября н. ст.) германскому послу въ Вѣнѣ, принцу Рейссу, полномочіе на подписаніе договора съ Австріей. При этомъ однако Вильгельмъ прибавилъ устно фонъ-Бюлову, что онъ соглашается на это только въ надеждѣ, что Бисмаркъ все-таки постарается включить въ текстъ договора также и Францію. Бисмаркъ снова старается доказать Вильгельму, что въ его образѣ дѣйствія нѣтъ ничего некорректнаго по отношенію къ Россіи, такъ какъ союзный договоръ носитъ характеръ исключительно оборонительный, и если Александръ II или его преемники не нарушатъ мира, Германія съ Россіей воевать не будетъ. На Вильгельма эти аргументы однако не дѣйствовали, и, когда ему былъ предложенъ для ратификаціи договоръ, уже подписанный германскимъ посломъ въ Вѣнѣ, онъ отказался поставить свою подпись раньше, чѣмъ будетъ исполнено его требованіе относительно Франціи. Бисмаркъ снова угрожалъ подать въ отставку, и вмѣстѣ съ нимъ заявили готовность оставить свои посты и остальные министры. Императоръ, на котораго эта угроза, повидному, сильно подѣйствовала, потребовалъ, чтобы ему предложили одновременно проектъ письма Александру II относительно договора. На это канцлеръ отвѣтилъ, что послѣ ратификаціи договора оба государства сообща могутъ послать меморандумъ въ Петербургъ о заключеніи союза и что въ Вѣнѣ ничего не будутъ имѣть противъ того, чтобы Вильгельмъ послѣ ратификаціи написалъ отдѣльно въ Петербургъ, причемъ, впрочемъ, въ такомъ письмѣ рѣчь можетъ идти только о фактѣ договора, но никакъ не о его точномъ текстѣ. Бисмаркъ снова обратился къ содѣйствію Мольтке, который опять доказывалъ императору, что помощь Австріи цѣнна для Германіи въ гораздо большей степени въ борьбѣ съ восточнымъ врагомъ, чѣмъ въ войнѣ съ Франціей. Война съ Россіей непосредственно задѣваетъ интересы Австро-Венгріи, которая, слѣдовательно, въ такой войнѣ вынуждена будетъ дѣлать максимальныя напряженія для того, чтобы

держатъ побѣду. Война же съ Франціей такъ близко интересовъ имперіи Габсбурговъ не затрагиваетъ, и ея помощь Германіи будетъ въ такомъ лучѣ несравненно менѣе существенной. Подъ вліяніемъ этого ли аргумента или, быть можетъ, влѣдствіе того, что Вильгельмъ уже не былъ ольше въ состояніи выдержать напора Бисмарка и его единомышленниковъ, онъ въ концѣ-концовъ сдался, и 4—16 октября договоръ съ Австріей былъ подписанъ.

Верггеймеръ правильно замѣчаетъ, что едва ли въ исторіи найдется иного примѣровъ борьбы между монархомъ и главой его правительства, одобныхъ борьбъ между императоромъ Вильгельмомъ I и Бисмаркомъ о поводѣ австро-германскаго договора. Эта борьба интересна однако же въ другомъ отношеніи. Она оказалась возможной, и Бисмаркъ могъ стать въ ней побѣдителемъ потому, что онъ обладалъ огромнымъ авторитетомъ и готовъ былъ въ каждый моментъ бросить на чашку вѣсовъ весь этотъ авторитетъ, предпочитая ухотъ съ занимаемаго поста одчиненію волѣ монарха тогда, когда онъ считалъ направленіе ея вреднымъ для государства. Это исключительное личное положеніе Бисмарка авало ему ту силу, которой въ государствахъ съ режимомъ парламентаризма въ борьбѣ съ „безотвѣтственными“ вліяніями министры располагаютъ въ силу признанія начала „отвѣтственности“ правительства передъ парламентскимъ большинствомъ. Бисмаркъ едва ли правильно оцѣнивалъ положеніе дѣлъ въ Россіи, когда ожидалъ непосредственно послѣ русско-турецкой войны нападенія Россіи на Германію. Каковы бы ни были чувства, которыя питалъ къ Германіи, напримѣръ, Д. А. Милюинъ, слѣдуетъ думать, что тогдашій русскій военный министръ былъ настолько поглощенъ задачами реорганизации своего вѣдомства и всего русскаго государственнаго строя, что менѣе всего могъ желать войны съ Германіей въ интересахъ „панславизма“ или „нигилизма“, какъ полагалъ германскій канцлеръ. Тѣмъ не менѣе Бисмаркъ былъ въ этомъ убѣжденъ и, со свойственной ему предусмотрительностью, рѣшилъ предотвратить опасность и сумѣлъ заставить своего монарха проглотить столь горькую для послѣдняго пилюлю союза съ Австріей. Если-бъ среди министровъ Вильгельма II оказались такіе же авторитетные, осторожные, предусмотрительные и независимые люди, какъ первый канцлеръ германской имперіи, теперь, быть можетъ, Европа была бы избавлена отъ вѣдствій міровой войны. Къ несчастію, Вильгельмъ II, еще въ молодости желавшій быть своимъ „собственнымъ канцлеромъ“, сумѣлъ окружить себя средней руки бюрократами, которые всегда должны были быть лишь послушными исполнителями его импульсивной воли и такимъ образомъ являться орудіями пагубнаго „личнаго режима“.

И. О. Левинъ.